

Универсальность и (или) уникальность? В поисках теоретического осмысления международных отношений

В начале 2000-х гг. известный советский и российский историк Арон Гуревич (1924–2006 гг.) справедливо указывал на своеобразный теоретико-методологический нигилизм, а также стихийный позитивизм, присущие отечественной гуманитарной науке. Во многом это стало реакцией на советские практики насаждения марксизма в общественном сознании¹. Как следствие, сдержанное, если не скептическое, отношение к теоретическим обобщениям, а также стремление к описанию явлений в соответствии с принципом немецкого историка Леопольда фон Ранке *“wie es eigentlich gewesen”* (как оно было на самом деле), без широких теоретических обобщений и с фокусом, прежде всего, на качественной эмпирике, «полевом» материале, глубоком знании источников². Учитывая, насколько именно историческая наука повлияла на формирование российской школы международных исследований, это замечание имеет чрезвычайную важность.

Многие американские и европейские исследователи воспринимали такой «историцизм» как проявление некоего академического провинциализма. Кто из российских коллег-международников не сталкивался с подобными подходами, получая рецензии на академические тексты, предлагаемые для «высочайших» западных изданий, индексируемых в *Scopus* и в *Web of Science*? Во многом это породило явление, которое Алексей Богатуров на рубеже конца 1990-х гг. и начала «нулевых» определил как феномен «переводчиков». Главной его чертой стало стремление подогнать собранную эмпирическую базу под некий общий теоретико-методологический знаменатель, понятный американской и европейской академической аудитории³. Как следствие, долгожданные свобода и плюра-

1 Гуревич, А.Я. Двойная ответственность историка // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 74–84.

2 Ranke, Leopold von. *Geschichten der romanischen und germanischen Völker: von 1494-1514* [Histories of the Romance and Germanic Peoples: from 1494-1514]. Vol. 1. Hamburg: Standard-Verlag, 1957.

3 Богатуров, А.Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 1999. № 4. С. 195–201.

лизм мнений стали в некоторой степени «сменой вех», при которой «научный коммунизм» был вытеснен «научным демократизмом». К слову сказать, опасность тотальной вестернизации теории международных отношений осознавалась и ведущими исследователями из стран Запада. Так, известный британо-австралийский теоретик Хедли Норман Булл (1932–1985) поставил резонный вопрос о том, насколько обоснованным может быть понимание незападной по преимуществу мировой политической системы посредством теорий, сформированных в западной академической среде¹.

Впрочем, признавая опасность превращения международника (не только российского, но и турецкого, иранского, китайского, египетского) в «переводчика», не следует впадать и в другую крайность. Научное общение с представителями западного сообщества, пускай и в формате жесткой и не всегда честной конкуренции, во-первых, расширяло теоретико-методологический кругозор отечественных исследователей (а также их коллег из стран не-Запада), во-вторых, заставляло отказываться от вульгаризированного позитивизма, учило понимать и чувствовать логику оппонента, пусть и не соглашаясь с ним. Именно путем сложного освоения мирового академического пространства происходило расширение поля теоретических исследований в области международных отношений в России в 2000-е гг.² Заметим также, что многие продуктивные концепции, связанные с критикой американских и европейских теорий, возникли во взаимодействии с ними. Иначе и быть не могло, так как качественное научное оппонирование невозможно без адекватного понимания инструментария того, с кем ты полемизируешь³.

Во втором номере нашего журнала мы пытаемся ответить на следующие вопросы. Кто и как изучает международные отношения в разных странах мира? Насколько современные теории на Западе и на Востоке (не) свободны от политической конъюнктуры? Как теоретическое знание о международных процессах связано с практикой?

Традиционно номер открывает интервью. На этот раз собеседником «Международной аналитики» стал известный американский исследователь Уильям Уолфорт⁴. Насколько обоснован такой выбор, если принять во внимание «железный занавес», который пытаются выстроить многие известные международники из США и стран ЕС в отношении их российских коллег? Мы исходим из того, что академическая полемика и обмен мнениями по актуальным проблемам должны продолжаться, если они строятся на взаимном уважении и стремлении понять аргументацию противоположной стороны. По словам Уолфорта, большую часть его жизни «Россия и США были геополитическими соперниками. Но я усердно и внимательно читал русских мыслителей о международной политике и многому у них научился. И на протяжении всей своей жизни я встречал русских, которые

1 Bull, Hedley. "The Theory of International Politics, 1919–1969." In *International Theory: Critical Investigations*, edited by James Der Derian. New York: New York University Press, 1994.

2 Лебедева, М.М., Харкевич, М.В. Теории международных отношений в зеркале современных российских исследований // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5. С. 7–19.

3 Acharya, Amitav. "Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theories beyond the West." *Journal of International Studies* 39, no. 3 (2011): 619–637.

4 В 2018–2020 гг. профессор Уильям Уолфорт в качестве ведущего ученого возглавлял Научный центр (лабораторию) анализа международных процессов МГИМО МИД России.

получали интеллектуальную пользу от внимательного изучения идей американских мыслителей».

В статье Андрея Цыганкова рассматривается процесс накопления и осмысления знаний о современной России в США. Во многом эти представления и привели (хотя это и не единственная, но важная причина) к наращиванию конфронтации между Вашингтоном и Москвой в период после холодной войны вплоть до сегодняшнего дня.

Игорь Истомин рассматривает роль и место прогнозирования в международно-политических теориях. Когда-то в советском общественном сознании одной из ключевых дефиниций было определение «практики как критерия истины». Что стоят теории, если за ними нет качественной верификации «на земле»? По мнению автора, «повышению прикладной ценности научных разработок способствовало бы совмещение теоретических объяснений и прогнозных исследований».

Работы Дениса Дегтерева и Андрея Козинца образуют блок текстов, посвященных незападным теориям международных отношений. Первая из указанных статей посвящена феномену т.н. африканской агентности. Автор анализирует внешнеполитическую экспертизу и практику в Тропической Африке. Эти сюжеты связываются с образовательными трендами государств региона, а также проблемами интеграции африканских ученых в континентальное и мировое академическое пространство. Вторая статья рассматривает феномен китайской школы международных отношений. По мнению автора, «постепенно китайские теории все-таки переступают через порог партикуляризма: это уже теории не только про Китай и для Китая, а теории, которые можно применять для анализа международных проблем» за рамками отдельно взятой страны.

Наверное, тексты Вероники Цибенко, а также Арчила Сихарулидзе и Нино Скворцовой можно было бы по формально-географическим признакам записать в «незападный блок». Но проблема в том, что теоретические исследования в области международных отношений в Турции и в Грузии проходят в «западной орбите». По мнению Цибенко, «турецкое академическое сообщество пока еще не преодолело фазу критического переосмысления западоцентризма и еще только готовится проявить выраженный интерес к незападным теориям международных отношений и поиску оснований для построения теорий в собственной локальной среде, истории и культуре». Сихарулидзе и Скворцова также полагают, что наука о международных отношениях в Грузии сильно подвержена влиянию западного теоретико-методологического мейнстрима (либеральные и либерально-институциональные подходы).

Статья Руслана Стоянова представляет интересный взгляд на подходы радикальных консерваторов («новых правых») в ФРГ к современным теориям международных отношений. Автор показывает, что в фокусе внимания этого интеллектуального течения разработка концепции, нацеленной на обеспечение доминирования Германии в «Старом свете».

В работе Максима Сучкова и Андрея Байкова поднимается такая тема, как влияние методов когнитивной науки на исследования в области международных отношений и внешней политики. Текст представляет собой «инвентаризацию» существующих теорий для анализа актуальных политических сюжетов.

Авторы полагают, что «результаты нейробиологических экспериментов в сочетании с контекстуальными фактами и методами социо-гуманитарных наук образуют сети значений, которые могут объяснить и интерпретировать динамику международных отношений» на основе инновационных научных подходов.

Статья Никиты Неклюдова, Василия Виноградова и Ивана Хлудова представляет собой амбициозную (в хорошем смысле этого слова) попытку первого количественного исследования российской науки о международных отношениях, что позволяет авторам уйти от излишней персонификации и субъективных выводов.

Десять лет назад Андрей Цыганков, один из авторов представляемого номера, в своей статье «Российская теория международных отношений: какой ей быть?» справедливо констатировал: «Любая теория сильна попытками подняться над описанием и выявить общие тенденции развития предмета. Следовательно, она должна вырабатываться не только на материале национальных споров, но и путем ее постоянного сопоставления с процессами развития иных школ международной теории. Оптимальным для России является путь диалога с доминирующими и критическими направлениями международной теории на Западе и на Востоке»¹.

Трудно не согласиться с тем, что внутреннее самосовершенствование и саморазвитие в диалоге (даже трудном, порой на повышенных тонах) с теми, кто его ищет и желает, – это лучшие способы развития и теории, и прикладных практик. Для науки о международных отношениях есть два тупиковых пути. И если о первом, превращении отечественного академического сообщества в чужую периферию с «переводчиками» в качестве «носителей смыслов», мы говорим сегодня много и охотно, то о втором – (само)изоляции – меньше, хотя эта траектория ненамного лучше первой. Хотя бы потому, что собственные знания и достижения без сверки с другими школами и «фабриками» мысли не будут очевидными. Задача российской международно-политической науки – уходить от крайностей, синтезируя все лучшее, что выработано предшественниками и современниками, как в нашем Отечестве, так и за его пределами.

Сергей Маркедонов, главный редактор

1 Цыганков, А.П. Российская теория международных отношений: какой ей быть? // Сравнительная политика. 2014. № 2. С. 71.